

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

Варшава, август 1973 г.

ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» · МОСКВА 1973

**ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ И НАУЧНЫЕ СВЯЗИ
РОССИИ И ПОЛЬШИ
КОНЦА XVII — СЕРЕДИНЫ XVIII в.**

Литература и общественная мысль Польши и России второй половины XVII — середины XVIII в. не могут быть в достаточной степени поняты и оценены без учета их контактов.

Полные военных тревог первые десятилетия XVII в. во второй половине века сменились стабилизацией внешнеполитических отношений, что привело к усилению взаимного влияния народов соседних славянских государств. В этот период в русской общественной мысли и литературе произошли значительные изменения, которые определили характер восприятия польской литературы и культуры XVI—XVII вв.

Исторический опыт Смутного времени, размышления над причиной событий, внимание к человеческой личности и характеру, впервые соотносённому с последствиями поступков и их роли в истории,— все это (как уже указывал Д. С. Лихачев) сыграло громадную роль в складывании нового общественного сознания¹.

Важнейшим завоеванием XVII в. была эмансипация культуры. Церковная цензура, всевластная в XVI в., должна была искать новые формы идеологического влияния, что не замедлило сказаться на характере образования русских людей, на их отношении к странам Западной Европы.

Литературно-общественные и научные контакты России и Польши во второй половине XVII в. приобрели новый характер. Причиной этого послужила, с одной стороны, стабилизация внешнеполитических отношений, с другой — известная типологическая близость культур и родство языка.

Важнейшее место в Московском государстве XVII в. занимает Посольский приказ — тогдашнее министерство иностранных дел. Здесь были собраны толмачи, дьяки и подьячие — наиболее образованные и начитанные деятели из среды московской интеллигенции того времени. Большое значение, которое придавало правительство дипломатическим сношениям с иностранными государствами, ставило Посольский приказ в особое положение среди других приказов системы государственного управления России. Во главе его находились крупные государственные деятели того времени: И. Т. Грамотин, А. Л. Ордин-Нащокин,

¹ Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, стр. 107—126, 136—146.

А. С. Матвеев и др. В библиотеке Посольского приказа, складывание которой относится к середине XVI в.², было сосредоточено большое собрание книг и рукописей, в подавляющем большинстве иностранных, а из них значительную часть составляли книги на латинском и польском языках³.

Книги на польском и латинском языках характеризуют различные стороны литературно-общественных и научных контактов России и Польши в XVII в. Эти связи значительно углубились во второй половине века. В Посольском приказе польские книги переводились, редактировались и «издавались»⁴. Список научных и исторических сочинений, литературных произведений, книг по домоводству, астрономии, земледелию, политике и этике, переведенных с польского языка, к настоящему времени значительно пополнен. Выяснилось, что в России XVII в. было известно значительное число польских книг XVI—XVII вв., а также сделанных в Польше переводов важнейших европейских географических, математических, астрономических, врачебных, политических и церковно-исторических сочинений.

В середине XVII в. появляется на Руси первое изложение взглядов Н. Коперника в переводном четырехтомном труде Блеу «Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus, in quo tabulae et descriptiones omnium regionum» («Позорище всяя вселенная, или Атлас новый, в нем же начертания всяя вселенные и описание всех ее частей»). Епифаний Славинецкий (переводчик труда Блеу) во вводной части первого тома поместил содержание взглядов Н. Коперника, не указывая при этом, что система Коперника была осуждена католической церковью. О системе Коперника в России знали и из работы данцигского астронома Иоганна Гевелия «Селенография» («Описание Луны»), изданной по-латыни в 1647 г. и переведенной в 70-х годах в Москве. В 50-х годах XVII в. был составлен перевод 76-й главы «Космографии» («Kosmografja») по Меркатору и Бельскому. В 60-е и 70-е годы был переведен ряд трудов с польского на русский язык, в том числе: труд Стефана Нивесского о кометах, «Негбарз» («Травник» — лечебник), «Алжоран», сборник астрологических трактатов пророка Даниила, польский планетник (оригинал которого в Польше до настоящего времени не обнаружен), «Музыкальная грамматика» Дылецкого, «Экономика» («Домостроение») и «Проблемата» Аристотеля, «Двор цезаря турецкого» С. Старовольского, политический трактат Моджевского «De emendande republica», названный в русском переводе «О исправ-

² С. П. Луппов. Книга в России в XVII веке. Л., 1970, стр. 194—203.

³ Там же, стр. 198, табл. 17.

⁴ И. М. Кудрявцев. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века.) «Книга. Исследования и материалы», сб. VIII. М., 1963, стр. 179—244.

лении гражданского жития», и др. Не сохранился, к сожалению, переведенный Епифанием Славинецким рассказ о казни английского короля Карла I.

Культурные контакты Польши и России второй половины XVII—XVIII в. нашли обстоятельное освещение в трудах польских историков. Важная роль здесь принадлежит сочинению М. Стрыйковского «Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi», дважды (в 1673—1679 и в 1688 г.) переведенному на русский язык. «Хроника» Стрыйковского оказала значительное влияние на формирование украинской, белорусской и русской историографии конца XVII—XVIII в.⁵ Достаточно напомнить, что материалы ее оказались включенными в «Синописис» И. Гизеля — первый печатный труд по русской истории, в украинскую «Хронику» Сафоновича, в историческое сочинение, составлявшееся по поручению Федора Алексеевича, в «Скифскую историю» Лызлова. Материалы «Хроники» Стрыйковского и методика работы ее автора над историческими источниками повлияли на исторические труды Татищева и Ломоносова.

«Kronika świata» («Всемирная хроника») Бельского — польского историка и писателя конца XVI в. — также была переведена в России. Влияние ее сказалось не только в исторических трудах, но, как установлено исследователями, она послужила источником для некоторых повествовательных сочинений («Повести о Скандербеке»⁶, «Истории о чешском королевиче Брунцвике»). Такую же примерно роль сыграла «Kronika Sarmacji europskiej» Гваньини, давшая материал для составления «Повести о Бохеме»⁷. Переведены были в России исторические сочинения Горгина и Пясецкого, Длугоша и Кромера. «Annales ecclesiastici a Christo nato ad annum 1196» («Церковные анналы») Цезаря Барония, изданные в Риме в 1588—1607 гг. и опубликованные в Кракове в 1603 г. в сокращенном переводе Петром Скаргой, были переведены на русский язык трижды: в начале XVII в., в 1678 г. Игнатием Лакрецким и в начале XVIII в. Андреем Матвеевым (последний перевод был издан в Санкт-Петербурге в 1719 г.).

Таким образом, сочинения польских историков эпохи Возрождения были хорошо известны в Московской Руси XVII в. Значительное число рукописных списков «Хроники» Стрыйковского раскрывает популярность этого сочинения, показывает, что русский читатель конца XVII — начала XVIII в. смог полностью понять и оценить труд как исторический источник с большей ответствен-

⁵ А. И. Рогов. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966.

⁶ «Повесть о Скандербеке». Издание подготовили Н. Н. Розов, Н. А. Чистякова. М.—Л., 1957, стр. 131—147.

⁷ А. М. Панченко. Чешско-русские литературные связи XVII века. Л., 1969, стр. 46—83.

ностью, чем некоторые исследователи XIX в., обвинявшие польского историка в «выдумках» и «баснословии».

XVII век в русской литературе — время поисков новых литературных форм, новых средств художественного обобщения, нового героя — «бытового» человека с его земными чувствами и радостями. Именно в этот период создаются повествовательные сочинения, в которых с очевидностью выступают черты нового качества литературы. Повести о Савве Грудцыне и Карпе Сутулове, сатирические произведения, такие как Калязинская челобитная, повесть о Ерше Ершовиче или повесть о Куре и Лисе, охватывают совершенно иной круг жизненных явлений, чем это было в литературе предшествующего периода. Купцы, монашествующая братия, мелкие приказные стали героями литературных сочинений. Их бытовая жизнь интересовала многочисленных читателей.

Во второй половине XVII в. на Руси было переведено много разнообразных литературных произведений, бытовавших в Польше. В числе их европейский рыцарский любовно-авантюрный роман («Повесть о Петре Златых ключей», «Повесть о Бове-королевиче»), средневековая восточная повесть «История о семи мудрецах», переведенная в Польше с латинской обработки этого сюжета, отдельные «гистории», разрабатывавшие мировые сюжеты (повести о графине Альтдорфской, о цесаре Оттоне, о волшебнице Мелюзине). Судьба этих переводов, дошедших в большом числе списков и в нескольких редакциях, очень своеобразна⁸. На Руси, где не было культа служения даме, где не существовало рыцарских турниров, но были былинные и сказочные герои, преодолевавшие тягчайшие препятствия, любовно-авантюрный роман приобрел черты русского фольклора, с другой стороны, фольклорные сюжеты в известной степени трансформировались под влиянием переводного рыцарского романа⁹. Илья Муромец отчасти стал похож на королевича Петра Златых ключей, а Василий Буслаев — на французского принца Буово д'Антоне. Это сближение, взаимопроникновение литературных структур получило свое завершение в русских народных картинках. Лубок запечатлел этот контаминированный образ героев, нашедший выражение и в стилистической обработке переводного сюжета, помещенного под картинками, и в портретной характеристике героя и его окружения.

Переводные любовно-авантюрные романы, пришедшие в Россию в польском переводе, оказали значительное влияние на формирование повествовательных произведений начала XVIII в., в которых В. В. Сиповский видел предыстоки русского романа. Нам

⁸ В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. М., 1964.

⁹ «Былины в записках и пересказах XVII—XVIII веков». Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.—Л., 1960, стр. 7—75.

представляется более убедительной точка зрения академика В. Н. Перетца, полагавшего, что переводный роман способствовал появлению на русской почве повестей, в которых нашла выражение специфическая фразеология, порожденная «галантной» западноевропейской прециозной литературой: здесь и уподобление любви огню, пламени, и введение мифологических персонажей (Купидона, Фортуны), и повышенный эмоциональный стиль¹⁰. В русских повестях первых десятилетий XVIII в., таких как «Гистория о российском матрозе Василии Кориотском», «Гистория о российском дворянине Александре» и «Гистория о некоем шляхецком сыне», воздействие переводного любовно-авантюрного романа очевидно. Но в то же время можно отметить в них и своеобразие. Так, например, автор «Гистории» о матросе Василии, обрисовывая внезапно вспыхнувшую любовную страсть героя к королеве Ираклии, подчеркнул, что герой его «паде на землю», но не так, как Лодвиг — герой одной из новелл «Повести о семи мудрецах». Общественное сознание человека Петровского времени побуждает составителей повествовательных сочинений начала XVIII в. вводить отдельные элементы художественной структуры переводного романа и их особую фразеологию, которая в то время еще не была развита в русской литературе¹¹. Характерен в этом отношении перевод на русский язык французского прециозного романа Поля Тальмана «Езда на остров любви», осуществленный молодым В. К. Третьяковским и изданный в 1730 г. Как убедительно показал И. З. Серман, при переводе этого романа Третьяковский широко использовал стилистические формулы, известные русскому читателю по польским адаптациям западноевропейских любовно-авантюрных романов.

Повести и новеллы, объединенные в сборнике «Римские Деяния», были переведены, судя по указанию одного из списков, с издания, напечатанного «в Кракове в типографии пана Войтеха Секеловича... в лето от Христова рождения 1663 году». Ранние списки этого произведения датируются началом 1680-х годов. Белорусский перевод «Римских Деяний» в 1688 г. готовился к печати в Могилевской типографии, но издан не был.

Рассказы «Римских Деяний» включают волшебную сказку, шуточный анекдот, своеобразный роман приключений, благочестивую притчу и даже жития святых. Каждый рассказ кончается «выкладом» — нравоучительной концовкой, в которой в духе церковной аскезы говорится о покаянии, посте, молитве, неизбежности смерти. Но, очевидно, не эта морализаторская сторона «Римских Деяний» привлекала читателей. Многие рассказы говорилили

¹⁰ В. Н. Перетц. Очерки по истории поэтического стиля в России (эпоха Петра Великого и начало XVIII в.). «Журнал министерства народного просвещения», 1906, июнь, ч. III, стр. 390—391.

¹¹ «Русские повести первой трети XVIII века». Исследование и подготовка текстов Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1965, стр. 160—188.

о земных радостях и утехах, повествовали о любви к женщине, побуждающей героя преодолевать препятствия, о подвигах, храбрости и забавных приключениях. Именно поэтому многие интересовавшие читателей истории переписывались и распространялись без морализаций. К этим сюжетам обращались и наши писатели XVIII—XIX вв.

Широкое распространение в России второй половины XVII в. получил сборник «Wielkie Zwierciadła» («Великое Зерцало»). Перевод его был осуществлен в 1677 г. протоиереем Андреем Постниковым по повелению царя Алексея Михайловича. Источником польского перевода послужил популярный в Западной Европе сборник «Speculum magnum», изданный в начале XVII в. в Кракове¹². В русском переводе «Великого Зерцала» сделан ряд сознательных отступлений от польского издания 1633 г.: пропущен, например, список авторов (чем «стиралось» католическое происхождение сборника), опущены географические названия, изъято посвящение. Кроме того, можно увидеть стремление при переводе текста максимально приблизить изложение к литературному стилю русских сочинений XVII в.¹³

Уже в XVII в. к сюжетам «Великого Зерцала» обратился С. Полоцкий. В нескольких стихотворениях он передает новеллы «Зерцала», точно следуя за развитием их сюжета. Позднее С. Полоцкий включил эти стихотворения в сборник «Вертоград многоцветный».

Новеллистичность и сатирическая заостренность многих рассказов «Зерцала» создали ему большую популярность в XVIII—начале XIX в. Сумароков, Тредиаковский, Ломоносов, В. Майков, Хемницер, Хвостов и Крылов обрабатывали в басенном творчестве сюжеты «Великого Зерцала».

По-видимому, представляет интерес подумать о литературном воздействии «Великого Зерцала» на творчество протопопа Аввакума. Обличение недостатков духовенства и феодалов, возмущение недостойным поведением людей во многих новеллах «Зерцала» могли подсказать мятежному протопопу некоторые литературные ассоциации.

Дух критики и известная свобода, с которой в «Великом Зерцале» говорится о пороках феодального общества, как справедливо считают исследователи, позволяют считать этот сборник памятником эпохи Возрождения¹⁴.

¹² П. В. Владимиров. «Великое Зерцало» (Из истории русской переводной литературы XVII в.) М., 1884, стр. 11—13; О. А. Державина. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965, стр. 17—21.

¹³ О. А. Державина. Указ. соч., стр. 30—57.

¹⁴ В. П. Зубов. Литературный памятник итальянского Возрождения в русском переводе конца XVII в. «Труды Отделения древнерусской литературы», т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 433—439; О. А. Державина. Указ. соч., стр. 153—154.

Проявляя интерес к античности, польская литература конца XVI в. усвоила бытовавшие на Западе сборники «Апофегмат», которые заключали в себе подбор метких слов, остроумных ответов, извлечений из легендарных биографий Сократа, Платона, Аристотеля, Демокрита и других, пересказы анекдотов. Наибольший успех в Польше имели «Апофегмата» М. Рея из Нагловиц и Беняша Будного.

«Апофегмата» Беняша Будного, переведенная в России в конце XVII в., выдержала в XVIII в. восемь изданий, первое из которых было осуществлено в 1711 г. в Москве.

Темы, затронутые в «Апофегмате», привлекали русских читателей своей практической моралью, примерами поведения исторических (и псевдоисторических) лиц в сложных обстоятельствах. Интерес к человеческой личности, так живо проявившийся в русской литературе второй половины XVII в., удовлетворялся полужурналистскими рассказами «Апофегмат». По характеру изложения материала краткие, сжатые формулировки «Апофегмат» напоминают пословичные обороты речи, афористичность их близка популярным изречениям. Не случайно поэтому «Апофегмата» пользовалась в России необычайной популярностью (кроме восьми изданий XVIII в. сохранилось множество рукописных списков).

Борьба с идеологией средневековья, провозглашенная Возрождением, интерес к человеческой личности, к его земной жизни привлекли внимание писателей Западной Европы к городской новелле, в значительной степени сатирической. Сборники новелл, в которых высмеивали духовенство и рыцарство, вышучивали доверчивых крестьян, обманутых ловкими мошенниками, недалеких мужей, пострадавших от хитрых женских уловок, получили латинское название *фацейций* (*facetiae*).

«*Facescye, abo żartowne y krotofilne Powieści, z. rozmaitych Authogów zebrane*» — так был назван сборник, изданный в Кракове в 1624 г. Неизвестный по имени составитель сборника воспользовался разнообразным материалом и включил ряд новелл Декамерона и Поджо, новеллы польского писателя XVI в. М. Рея и других авторов¹⁵.

Подбор живых, занимательных сюжетов, меткий язык, пересыпанный народными пословицами и поговорками, рифмованные двустихия, обобщающие смысл отдельного рассказа, — все это делало *фацейции* легкодоступным и интересным чтением.

Русский перевод *фацейций* был сделан в 1680 г. и озаглавлен так: «*Фрашки, сиречь издевки; Факецы, или жарты польски, издевки смехотворны московски; от пяти трактатов преложены, на словенск с полска языка споряжены*». О. А. Державина указыва-

¹⁵ J. Krzyżanowski. Historia literatury of średniowiecza do XIX w. Warszawa, 1953, str. 282.

ет, что русский переводчик предпринял самостоятельную работу: расположил фацеции по другому плану, исключил рассказы с резко католической направленностью, а также те, в которых высмеиваются русские. Кроме того, составитель-переводчик включил в сборник фацеций отрывки из «Апофегматы», а также некоторые рассказы, жившие в устной передаче¹⁶. «Для русского читателя, — справедливо пишет О. А. Державина, — фацеция не была только развлекательным чтением. Это была сатира на нравы своего времени, нравы XVII в. То, о чем рассказывалось в польских рассказах, находило живой отклик у русского читателя потому, что в образах новелл сборника он видел российскую действительность»¹⁷. И этими своими качествами переводные фацеции включались в русский литературный процесс. Они становились популярным чтением, быстро распространялись в рукописных списках, а в 30—40-х годах XVIII в. отдельные сюжеты вошли в печатное издание жартов¹⁸.

Сатирический элемент, присущий фацециям, их лаконичная сюжетность обратили на них внимание баснописцев. Особенно повезло рассказу об утонувшей упрямой жене, которую муж ищет против течения реки. К этому популярному сюжету обращались Ломоносов, Сумароков, Измайлов. Мотивы фацеций обработаны в баснях Крылова. В юмористических сборниках, печатавшихся в России в 70—80-х годах XVIII в. («Спутник и собеседник веселых людей», «Рассказчик забавных и увеселительных повестей», «Старичок весельчак» и др.), наряду с древнерусскими повестями помещены и фацеции. Вошли они и в «Письмовник» Курганова.

Сходную с фацециями судьбу на русской почве имели и басни Эзопа, переведенные с польского. Осуществил перевод в 1675 г. симбирский помещик Каминский. Оригиналом послужило издание «*Fabuly Aezorowe albo przyrowiesci; Przymowiesci Gabryela Greka temu czasy na polski wyložone; Przymowiesci Laurentego Abstemiusza z lacinśkego na polski przelozone*». В переводе Каминского содержится 260 басен. Для перевода он использовал разговорный язык с элементами просторечия, включил немало полонизмов¹⁹. Очевидно, Каминский твердо был уверен в том, что оставленные им не переведенными польские олва легко доступны

¹⁶ О. А. Державина. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962, стр. 46—61.

¹⁷ Там же, стр. 69.

¹⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Фольклорные сюжеты в стихотворных жартах XVIII века. «Сборник, посвященный проф. В. А. Десницкому». М.—Л., 1958; А. В. Кокорев. Русские стихотворные фацеции. «Старинная русская повесть». М.—Л., 1941, стр. 216—282.

¹⁹ В. П. Адрианова-Перетц. Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII в. «Известия Отделения русского языка и словесности», 1929, т. II, кн. 2, стр. 370—400; М. А. Полторацкая. Язык переводов Петровской эпохи. Басни Эзопа. «Уч. зап. Ростовского-на-Дону государственного педагогического ин-та. Факультет языка и литературы», 1939, т. 1, стр. 62—104.

читающей русской публике. И действительно, перевод басен Эзопа Каминского отличается от близких по времени переводов А. Винуса 1672 г. (с немецкого — «Зрелище жития человеческого») и Копиевича (первое печатное издание басен 1700 г. — перевод с латинского), ориентирующихся на книжные церковнославянские формы языка. Используя стилистику разговорной речи, Каминский сделал доступным и популярным свой перевод басен Эзопа. Не случайно поэтому составители подписей к лубочным картинкам на сюжеты басен Эзопа нередко прибегали к переводу Каминского.

В развитии культурных контактов Польши и России во второй половине XVII — начале XVIII в. значительную роль сыграла Киево-Могилянская академия. В последние годы изучению польского влияния в кругах писателей, связанных с Киево-Могилянской академией, посвящено всестороннее исследование Р. Лужного²⁰. Ученый обобщил многочисленные факты и убедительно показал роль польских поэтик и риторик в формировании русских руководств, созданных преподавателями Киево-Могилянской академии. Значительное место отведено анализу конкретных произведений польской литературы, известных русским писателям. Факты, приведенные в исследовании Р. Лужного, убедительно раскрывают широкую картину творческого обращения к поэзии Яна Кохановского, Петра Кохановского — переводчика поэмы Торкватто Тассо «Освобожденный Иерусалим». Писатели, связанные с Киево-Могилянской академией, свободно владели польским языком²¹ и хорошо знали произведения польских писателей.

В Киево-Могилянской академии получили образование многие писатели и церковно-общественные деятели, которые позднее в Москве играли видную роль в русской культуре: Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий, Дмитрий Ростовский, Феофан Прокопович, Стефан Яворский, Дамаскин Прицкий и другие поборники просвещения.

Книги, издаваемые на Украине и в Белоруссии, ранее подвергавшиеся гонениям²², в конце XVII в. получили в России большое распространение в различных кругах русского общества. Они расходились не только в подлинниках, но и в многочисленных списках и переводах²³.

Выше нам приходилось говорить о большой распространенности переводов польских книг («Великое Зерцало», «Апофегмата», «Римские Деяния», «Фацеции», повести о Петре Златых ключей,

²⁰ R. Łużny. Pisarsze kręgu Akademii Kijowsko-mohylánskiej, a literatura polska. Z dziejów związków kulturalnych polsko-wschodniosłowiańskich XVII — XVIII w. Kraków, 1966, str. 5—165.

²¹ Там же, стр. 109—128.

²² С. П. Луппов. Указ. соч., стр. 16, 31—32.

²³ И. А. Шляпкин. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709). Исследование. СПб., 1891, стр. 117—134.

о Бове-королевиче, о цесаре Оттоне, о королевне Мелюзине и др.) среди широких слоев русского, украинского и белорусского населения. Польская культура и литература проникала и в среду знати. Польскому языку учились и читали польские книги А. Л. Ордин-Нащокин, Ф. М. Ртищев, А. С. Матвеев, сын которого воспитывался поляком Подборским. Учителем и наставником детей Алексея Михайловича был Симеон Полоцкий, прекрасно знавший польский язык и писавший на этом языке сочинения, поэтому дети царя Алексей, Федор и Софья свободно владели польским языком. В. В. Голицын проявлял большой интерес к польской литературе.

Анализ состава книжных собраний второй половины XVII—начала XVIII в., проведенный С. П. Лупповым, убедительно свидетельствует о подавляющем большинстве книг на польском языке по самым различным отраслям знаний²⁴.

Очевидно, что близость польской и русской культур ясно осознавалась и в правительственных кругах России второй половины XVII в., и среди деятелей просвещения.

В 1678 г. в Москве талантливый поэт, проповедник, переводчик и педагог Симеон Полоцкий подготовил к печати «рифмотворный» перевод «Псалтыри царя и пророка Давида». В предисловии к изданию 1680 г. Симеон Полоцкий объяснил причины, которые побудили его переложить стихами всю Псалтырь: 1) свидетельство ряда авторов, восточных и западных, о том, что древнееврейский оригинал Псалтыри был «вначале» составлен не в прозе, а «художеством стихотворения»; 2) желание явить Псалтырь, переложенную стихами, «и на нашем языке славенstem», ибо видел он стихотворные переложения псалмов на языки греческий и латинский, не раз видел, даже в самой Москве, печатные экземпляры стихотворного перевода Псалтыри и на язык польский; 3) стремление оказать посильное содействие тем, которые — и в Малой России, и в Белой и в Великой России, и даже в самом «царствующем и богоспасаемом граде» Москве — полюбили «сладкое и согласное пение» польской стихотворной Псалтыри и даже привыкли петь эти польские псалмы²⁵.

«Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого явилась результатом внимательного изучения стихотворного переложения псалмов Давида Яном Кохановским²⁶. Великий польский поэт с большим мастерством передал целую гамму чувств человека кающегося, размышляющего, страдающего, обличающего, восхи-

²⁴ С. П. Луппов. Указ. соч., стр. 1—215.

²⁵ И. П. Еремин. Симеон Полоцкий — поэт и драматург. В кн.: *Симеон Полоцкий*. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1953, стр. 238—239.

²⁶ R. Łużny. «Psalterz rymowany» Symeona Połockiego a «Psalterz Dawidów» Jana Kochanowskiego. «Slavia orientalis». Roc. XV, 1966, N 1, str. 3—27.

щенного. Ян Кохановский создал произведение, редкое по разнообразию ритмики и строфики. Псалмы, переложенные Кохановским, получили широкую популярность. Этому способствовали мелодии известного композитора Миколая Гомулки, написанные для музыкального распева псалмов.

В переложении псалмов Симеон Полоцкий, как и его польский предшественник, ярко раскрыл свое литературное мастерство. Он показал образцы силлабического стихотворства, основанные на комбинации различных размеров, что обеспечивало возможность исполнения псалмов разными напевами. Уже в 1680 г. выдающийся русский композитор певчий дьяк Василий Титов сочинил музыку ко всей «Псалтыри» Симеона Полоцкого.

Влияние Яна Кохановского на Симеона Полоцкого не ограничивается переводами псалмов. Можно думать, что благотворное воздействие великого польского поэта сказалось и в других поэтических произведениях Полоцкого.

В 1679 г. Симеон Полоцкий начал работу над сборником своих стихотворений «Рифмологийон». Он включил сюда многочисленные похвальные стихи, посвященные царю и некоторым представителям знати, а также траурные стихи по случаю смерти царицы Марии Ильиничны — «Френы, или Плачи всех санов и чинов православно-Российского царства».

В создании стихотворных «Френов» прямым предшественником Симеона Полоцкого был Ян Кохановский, автор цикла плачей-элегий «Трены», написанных на смерть маленькой дочери поэта Уршулы.

Творчество великого польского поэта Яна Кохановского ознаменовало вершину поэтической культуры Возрождения. Гуманистическая образованность, овладение культурными богатствами своей эпохи и древности, энциклопедизм позволили Кохановскому создать высокопоэтические произведения большого общественного назначения. Рациональное начало в творчестве Кохановского проявилось и эстетически.

Очевидно, что, воспринимая творческое наследие Яна Кохановского, Симеон Полоцкий вместе с тем испытывал воздействие и его эстетической системы. В поэзии Симеона Полоцкого можно видеть черты Ренессанса, проявляющиеся в просветительском пафосе его творчества, которое, по словам его крупнейшего исследователя И. П. Еремина, «многими сторонами своего содержания уже целиком повернуто к новой, Петровской эпохе»²⁷. Вся литературная деятельность Симеона Полоцкого направлялась стремлением внести свой вклад в дело русского просвещения. Не случайно поэтому он принимал самое деятельное участие в организации первого в России внесловного высшего учебного заведения — Славяно-греко-латинской академии.

²⁷ И. П. Еремин. Симеон Полоцкий — поэт и драматург, стр. 237.

Не меньшее просветительское значение придавал Симеон Полоцкий развитию в Русском государстве книгопечатания — одного из самых активных проводников «разума» и «науки». Он стремился также расширить известный в русской литературе репертуар повествовательных сюжетов новыми, античного или западноевропейского происхождения²⁸.

Общая направленность литературно-общественной деятельности Симеона Полоцкого как бы обобщает основные тенденции литературного развития России конца XVII в. с ее поисками нового гуманистического взгляда на человека, на оценку его личных качеств, на его стремление к постижению многообразия жизни. Ведь не случайно в этот период в Московском государстве читаются, переводятся и распространяются в многочисленных списках и естественнонаучные, и литературные, и исторические сочинения эпохи Возрождения («Апофегмата», «Фашеции», басни Эзопа, «Хроника» М. Стрыйковского, «Всемирная хроника» Бельского, политический трактат Моджевского и др.). Прав И. Н. Голенищев-Кутузов, утверждая, что «от берегов Адриатики до Балтики, от Праги до Вильно в XV—XVII вв. происходил процесс усвоения и переработки гуманистических идей, не менее значительный, чем в Западной Европе»²⁹.

По общему характеру своей деятельности и основной направленности поэтического творчества Симеон Полоцкий является видным представителем славянского Возрождения, прямым предшественником просветителей последующей эпохи.

Исторически закономерно и объяснимо, что в творчестве Симеона Полоцкого ренессансные принципы художественного обобщения сосуществуют с явлениями другого направления — барокко. «Раритетность», графические фокусы, цветистость внешнего оформления поэтических произведений Симеона Полоцкого, когда «книжица» представляла, как удачно сказал И. П. Еремин, «целое словесно-архитектурное сооружение», — все рассчитано на внешний эффект, на безотказное зрительно-эмоциональное воздействие. Эти черты, несомненно, свойственны стилю барокко. Но являются ли они определяющими, или это скорее дань традиции «высокой» официальной литературы предшествующего периода? (Так определяет стиль барокко Д. С. Лихачев³⁰.)

Если подойти к литературному творчеству Симеона Полоцкого с учетом всех особенностей литературно-общественного движения XVII в., то соотнесение его творчества со стилем ба-

²⁸ И. П. Еремин. Симеон Полоцкий — поэт и драматург, стр. 236.

²⁹ И. Н. Голенищев-Кутузов. Ренессансные литературы Западной и Восточной Европы (сопоставительный обзор). «Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы». М., 1967, стр. 258.

³⁰ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 147—152.

рокок окажется в значительной степени внешним. Такая противоречивая связь ренессансных и барочных черт будет унаследована последующей эпохой (например, содержание текста и внешнее оформление триумфальных ворот во время Северной войны, школьный театр начала XVIII в.).

В Петровскую эпоху литературно-общественные и научные связи России и Польши продолжали развиваться в том направлении, которое было «задано» в предшествующий период. Рукописные списки переводных произведений переписывались и в начале XVIII в. Сохранившиеся до нашего времени списки «Римских Деяний», «Великого Зерцала», «Апофегмат», сборников фаяцаций, авантюрно-романтических «гисторий» за единичными исключениями переписаны в XVIII в.

В первые десятилетия XVIII в. были опубликованы «Деяния церковные и гражданские» (1719 г.) (перевод с сокращенного польского перевода П. Скарги), «Апофегматы» (1711 г.), «Метаморфозы» Овидия (с польского издания 1638 г.). Намечено было, как полагает А. И. Рогов, и издание «Хроники литовской, польской и жмудской и всея Руси» М. Стрыйковского.

Польский язык по-прежнему хорошо знали в самых широких кругах³¹. А. В. Позднеев обнаружил большое число польских песен, взятых из различных рукописных стихотворных сборников XVIII в.³² В библиотеках видных государственных деятелей значительную часть собраний представляли книги по разным отраслям знаний на польском языке³³. Особенно примечательна в этом отношении библиотека Д. М. Голицына. В библиотеке Петра I тоже есть книги на польском языке или переводы с польского (в числе их «Хроника» М. Стрыйковского и «Овидиуш»).

В 1709 г. после блестящей победы русских под Полтавой Феофан Прокопович, видный писатель и политический деятель Петровской эпохи, воспитанник Киево-Могилянской академии и впоследствии ее ректор, написал героическую поэму, посвященную этому событию, — «Эпиникион», опубликовав ее на русском, латинском и польском языках. Польские стихи пишут Стефан Яворский и Дмитрий Ростовский.

Польская историография эпохи Возрождения (Я. Длугош, М. Стрыйковский, И. Бельский, М. Кромер) сыграла важную роль в формировании исторического повествования нового типа³⁴.

³¹ П. Н. Берков. Русско-польские литературные связи в XVIII веке. «IV Международный съезд славистов». М., 1958, стр. 15—26.

³² N. Filipowa, A. Pozdziejew. Piesni polskie w osiemnastowieczym rosyjskim zbiorze rękopismienym. «Slavia orientalis». Warszawa, 1966, Roczn. XV, N 4, str. 419—428.

³³ С. П. Луппов. Книга в России в XVII и первой четверти XVIII в. (Из истории русской культуры.) Автореф. докт. дисс. Л., 1972, стр. 3—40.

³⁴ А. Н. Робинсон. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. «V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 84—139.

Сочинения по русской истории В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова тесно связаны с трудами польских историков³⁵.

Феофан Прокопович, превосходно знакомый с польской литературой эпохи Возрождения³⁶, создает теоретические руководства по риторике и поэтике, в которых закладываются основы раннего русского классицизма³⁷. Быстрое развитие нового литературного направления, достигшего больших успехов в 40-х годах XVIII в. в творчестве Ломоносова и Сумарокова, не могло бы так успешно осуществиться, если бы русская культура второй половины XVII в. не имела значительных литературно-эстетических завоеваний, явившихся результатом национально-исторического развития и отчасти взаимосвязи с польской культурой эпохи Возрождения.

³⁵ Г. Н. Моисеева. Русская историческая проза первой половины XVIII в. и польские историки. В кн.: «Польско-русские литературные связи». М., 1970, стр. 83—106.

³⁶ R. Łyżny. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylánskiej..., str. 109—128.

³⁷ В. И. Федоров. «Поэтика» Феофана Прокоповича. (Из истории русской эстетической мысли кануна формирования классицизма.) «Вопросы русской литературы». «Уч. зап. Московского государственного педагогического ин-та им. В. И. Ленина», т. 455. М., 1971, стр. 302—311.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. И. Костюшко, М. М. Сумароков.</i> Октябрьская революция и развитие революционной мысли в Польше и Югославии (1917—1923 гг.) . . .	5
<i>А. И. Недорезов.</i> Общественно-политическое значение солидарности славянских народов в годы второй мировой войны	28
<i>Л. Я. Гибианский, Г. П. Мурашко, В. С. Парсаданова.</i> Освободительная борьба славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны и концепции общественно-политического развития	52
<i>Л. Б. Валев, В. В. Марьина, Г. М. Славин.</i> Всеславянский комитет и освободительное движение зарубежных славянских народов в период второй мировой войны	73
<i>И. А. Хренов, С. М. Стецкевич.</i> Революция 1905—1907 гг. в России и развитие национально-освободительного движения славянских народов	92
<i>Ю. А. Писарев.</i> Освободительная борьба югославянских народов Австро-Венгрии в годы первой мировой войны и распад монархии Габсбургов	115
<i>Л. А. Обушенкова, В. И. Фрейдзон.</i> О влиянии национально-освободительного движения славянских народов на развитие их национального самосознания (конец XVIII — 70-е годы XIX в.)	125
<i>Н. Д. Ратнер.</i> Либеральная и демократическая печать России о славянах Австрийской монархии в связи с образованием в 1871 г. Германской империи	150
<i>Н. И. Хитрова.</i> Русское общество и Черногория в 60—70-е годы XIX в.	164
<i>И. В. Чуркина.</i> Общественные, научные и культурные связи славян Австрийской монархии и России в 60-е годы XIX в.	185
<i>Т. И. Алексеева, В. П. Алексеев.</i> Этногенез славянских народов по данным антропологии	211
<i>В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей.</i> К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян	223
<i>С. А. Токарев.</i> Начальный период славянской этнографии	237
<i>А. И. Рогов.</i> Россия в польских исторических и географических сочинениях XVII в.	250
<i>К. И. Ровда.</i> Славянская общность и проблемы культуры	267
<i>В. М. Гацак.</i> Метафорическая антитеза в сравнительно-историческом освещении	286
<i>В. Е. Гусев.</i> Романтизм в Польше и кукольный театр славянских народов	307
<i>В. И. Злыднев, И. И. Лещиловская, Е. П. Львова.</i> Национально-освободительное движение южных славян и проблема формирования национальных культур	330
<i>Б. П. Кирдан.</i> Актуальные проблемы изучения фольклорных связей восточных и западных славян	344
<i>Н. И. Кравцов.</i> Романтизм в славянских литературах и фольклор	358
	495

<i>К. В. Чистов.</i> Этнические аспекты славянской фольклористики	365
<i>У. Б. Далгат.</i> Проблема инационального (кавказского) фольклора в эстетике русского романтизма	386
<i>А. Л. Хорошкевич.</i> Русско-славянские связи конца XV — начала XVI в. и их роль в становлении национального самосознания России	405
<i>В. К. Соколова.</i> Современное состояние преданий	423
<i>Г. Н. Моисеева.</i> Литературно-общественные и научные связи России и Польши конца XVII — середины XVIII в.	438
<i>И. Ф. Бэлза.</i> Развитие этических концепций польского романтизма	452
<i>А. В. Десницкая.</i> О боснийско-албанских связях в области эпической поэзии (Вопрос о соотношении боснийского и албанского эпических циклов «Муйо и Халиль»)	460

История, культура, этнография и фольклор славянских народов

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редакторы издательства *Н. П. Бобрик, С. Н. Васильченко, Т. Г. Иванова, Л. С. Кручинина, Е. П. Прохоров*

Художественный редактор *Ю. П. Трапаков*

Технические редакторы *В. В. Волкова и Л. И. Куприянова*

Сдано в набор 12/XII-1972 г. Подписано к печати 3/V-1973 г.
 Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 31. Уч.-изд. л. 33,2, Тираж 3950,
 Тип. зак. 5303. Бумага № 2. Т-04851.

Цена 2 р. 23 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10